Я был бы весьма благодарен, если бы Н. Андреев, проверив один за другим мои аргументы в пользу недостоверности приписки под 1553 г., конкретно указал мне на ошибочность того или иного из них. Но этого пока не сделано, и поэтому Н. Андреев вынужден оперировать такими категориями, как правдоподобие: «Этот рассказ о взаимоотношениях между персонажами драмы звучит весьма правдоподобно».[25] Мне кажется что правдоподобие никогда не является антиподом выдумки, так как выдумка, если она не хочет быть простой нелепостью, стремится к правдоподобию. И надо думать, что автор XVI в., кем бы он ни был, хорошо понимал, что́ по отношению к известным ему обстоятельствам является правдоподобным, а что́ нет. В решении вопроса о достоверности или недостоверности источника, в том числе приписки о «мятеже» 1553 г., лучше опереться не на впечатления о правдоподобности или неправдоподобности, а на объективные данные. Так, в частности, нельзя обойти то обстоятельство, что рассказ о «мятеже» во время болезни царя в 1553 г. стоит в резком противоречии с рассказом того же автора, но написанным на несколько лет ранее, о тайном заговоре во время царской болезни. Согласно этому первому рассказу, во время болезни царя, в марте 1553 г., имел место тайный заговор. Выздоровление царя сорвало планы заговорщиков, рассчитывавших на его смерть, и они решили «то дело укрыть».[26] Тут же приведен список приближенных царя, пытавших и судивших главу тайного заговора — князя Семена Лобанова-Ростовского и впервые через год после болезни царя узнавших от него о заговоре: князь Иван Федорович Мстиславский, Иван Васильевич Шереметьев (Большой), князь Дмитрий Иванович Курлятев, Михаил Иванович Морозов, князь Дмитрий Федорович Палецкий, окольничий Алексей Федорович Адашев, постельничий Игнатий Вешняков, Даниил Романович Юрьев, казначей Никита Фуников и дьяк Иван Михайлович Висковатый.[27]

Согласно рассказу, написанному тем же автором через несколько лет, при редактировании Царственной книги, все происходило совершенно иначе: во время болезни царя в 1553 г. имел место открытый «мятеж», открытое столкновение двух партий, в котором участвовали все разом — и те, кто, по первому рассказу, были тайными заговорщиками, и те, кто через год их разоблачил и судил.[28] При этом такие приближенные царя, как князь Дмитрий Иванович Курлятев, казначей Никита Фуников, князь Дмитрий Федорович Палецкий, являвшиеся, согласно первому рассказу, судьями заговорщиков 1553 г., теперь оказались сами еще более ярыми, открытыми мятежниками.

Н. Андрееву следовало, по крайней мере, решить вопрос о Висковатом, которого он считает автором приписок, — что же правда: то ли, что Висковатый в 1554 г. узнал о тайном заговоре 1553 г., или то, что он уже в 1553 г. был в гуще открытой борьбы? Исследователь может предпочесть в качестве достоверного любой из этих рассказов, соответственно обосновав свою точку зрения. Но облегчать свою задачу путем простого отбрасывания одного из противоречащих друг другу источников, мне кажется, не следовало бы, особенно после того, как на это противоречие специально указано в предшествующей литературе.[29]

---

[25] Там же, стр. 109.
[26] ПСРЛ, т. XIII, ч. 1. СПб., 1904, стр. 238.
[27] Там же.
[28] Там же, ч. 2, стр. 522—526.
[29] Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности..., стр. 273—283